

ЗАБЫВ ПРО ВОЗРАСТ РАЗ И НАВСЕГДА

Неувядающая юность. - 1998. -
8 сент. - с. 7.

Расулу Гамзатову — семьдесят пять

Дмитрий Мамлеев

НЕ ТОЛЬКО давние друзья, но и миллионы почитателей его таланта, привыкли числить Расула молодым, веселым и лукавым, влюбленным и мудрым одновременно. Однажды и сам Расул Гамзатов признался, что «всем сущим поколениям ровесник» и будет юн, пока слагает песни, «забыв про возраст раз и навсегда».

Вряд ли отыщется среди современников, мастеров поэтического цеха, кто-либо другой, кто столь ярко, безоглядно и искренно, как Расул Гамзатов, возвысил нежность к матери и любовь к женщине. Неизменно звучали и звучат в душе поэта «любимых женщин имена».

Сердце его, вобравшее любовь к прекрасному, уважение к старшим и верность памяти, предано не только малому, всего на девяносто саклей аулу Цада и горным вершинам родного Дагестана, но вместило в себя просторы великой в недавнем прошлом державы и боль Хиросимы, легендарный «остров женщин» у берегов Мексики и даже космические маршруты Вселенной, где побывала и книга гамзатовских стихов, взятая космонавтами в один из первых полетов как символ неразрывной связи с Землей. Сердце поэта билось в унисон с человеческими радостями и горестями, и не свидетелем, а активным участником событий являлся поэт.

Обладатель престижных премий, отечественных и международных, увенчанный самыми высокими наградами Родины, он более двух десятилетий избирался и депутатом Верховного Совета СССР, и членом его Президиума. Но он всегда оставался прежде всего Расулом Гамзатовым, который мог высказать собственное мнение, часто не совпадавшее с официальной точкой зрения. Ему, кстати, многое пришлось, потому что он — Расул Гамзатов, была такая высокая всенародная должность на брэнной земле.

Осталось в памяти множество историй, связанных с именем поэта. Когда-то, в дни очередного съезда партии, он послал домой телеграмму, о содержании которой тут же доложили Хрущеву. В телеграмме было всего несколько слов: «Сию в Президиуме, а счастья нет».

Однажды Гамзатова вызвал для проработки по поручению руководства сам председатель Президиума Верховного Совета Николай Подгорный. После посещения далекой страны, президенту которой Расул вручил не только международную Ленинскую пре-

мию, но и, разумеется, кавказскую бурку, пришла науськивающая шифровка обиженного посла...

Подгорный начал разговор издали, сказал, что и он, и товарищи по Политбюро, да и члены его семьи очень любят Расула и его стихи.

И тут Расул мгновенно отреагировал:

— Николай Викторович, есть одна просьба. В следующий раз для критики приглашайте меня пораньше.

— Почему? — удивился Подгорный.

— До вечера трудно выдержат...

На одном из заседаний комитета по государственным премиям Расул с горячностью защищал авторов острого телевизионного фильма «Мы, нижеподписавшиеся», несмотря на то что поступила директива: исключить работу из списка. Несколько раз Гамзатов брал слово, но по результатам голосования оказался в меньшинстве. Кто-то из именитых членов комитета пытался успокоить Гамзатова.

— Расул, ты проявил принципиальность...

— Принципиальность у нас есть, а вот справедливости не хватает.

Много раз поэту, перед которым были открыты все двери, удавалось остановить несправедливость, защитить человека, но случилось и так, что даже он был бессилён. Одна из его философско-драматических поэм «Люди и тени», сочиненная по горячим следам XX съезда, развенчавшего культ Сталина, увидела свет спустя лишь четверть века.

Яков Козловский, один из самых блистательных переводчиков, читал поэму в редакции «Известий». Даже Алексей Аджубей, все понимающий и по тем временам всемогущий, а также и друг Расула Александр Твардовский не рискнули сдать поэму в «набор».

Поэт всегда был в круговороте жизни, не уходил от острых проблем. «Двадцатый век — нельзя жить иначе», — говорил он.

*В дали туманной годы,
как планеты,
И верный их загадочной судьбе,
Раздвоенного времени приметы
Я чувствую мучительно в себе...
И памяти распахиваю дверь я...
Порою всемогущ, порою слаб,
В себе познавший веру и безверье,
Любви слуга и ненависти раб.
Ничто в минувшем*

*не переиначить
Я сам себе защитник и судья.
О ты, моя комедия,*

*что плачешь?
Смеешься что, трагедия моя?
Провидение хранило поэта с
той самой поры, когда одиннад-*

цатилетний горский мальчишка, сын знаменитого аварского поэта Гамзата Цада, лежа на бычьей шкуре, сочинил свое первое в жизни стихотворение. С плоской крыши сакли он увидел, как на изумрудное Хунзахское плато приземлился красноезвездный самолет летчика Байдукова из легендарной чкаловской тройки. Еще не покинув родной аул, Расул имел счастье читать свои стихи приехавшим в Москвы в дом отца Николаю Тихонову и Владимиру Луговскому. По просьбе правительства Дагестана Расула не призвали на фронт, ибо двое старших братьев его погибли в боях. Один был сбит в небе осажденного Севастополя, другой смертельно ранен в боях за Сталинград. Первую поэму Расула Гамзатова о краснодонцах перевел на русский Илья Сельвинский. А Федор Гладков, будучи ректором Литературного института, презрев все правила и не обращая внимания чуть ли не на срок ошибок в диктанте абитуриента, подписал приказ о зачислении горца в студенты. Отец проторил тропу аварской литературы в Москву, а сын вышел на светлый путь большой поэзии.

Судьба подарила ему верных друзей — башкира Мустая Карима и киргиза Чингиза Айтматова, калмыка Давида Кугультинова и балкарца Кайсына Кулиева, которых Ярослав Смеляков метко обозначил, как «четыре звонкие подковы, необходимых скакуну» многонациональной литературы. Сергей Орлов, Михаил Дулин, Владимир Солоухин и в особенности Александр Твардовский стали теми, чей дружеский союз с Расулом был нерасторжим. Положенные на музыку его строфы стали народными песнями, а знаменитые «Журавли», кроме всего прочего, послужили прообразом двух десятков памятников по всей стране и, возможно, как обещал поэту Лужков, обретут свое законное место в Москве на Поклонной горе.

Мне посчастливилось знать многих земляков поэта, горских стариков и мудреца Абуталиба, слова которого стали эпиграфом к книге Расула Гамзатова «Мой Дагестан»: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки».

Среди множества книг, подаренных мне Расулом Гамзатовым, есть одна с оригинальным автографом:

*Когда, бывало, мысль сверкнет,
То в это чудное мгновенье
Коней четверку подает
Мне преданное вдохновенье.
Где нынче страсть*

*минувших дней?
О ней напомнит лишь готовы
Оставшие от коней
Луноподобные подковы.*

Расул Гамзатов на родной земле.
Фото автора